

ОБЪЕМ КАК КРИТЕРИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ СОСУДОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ТРОИЦК-7)

Е. О. Васючков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье проанализирован керамический комплекс могильника Троицк-7 с целью выделения групп сосудов с различным функциональным назначением. В качестве основного критерия для разделения сосудов на группы принят их объем. Для вычисления объема сосуд разделялся на ряд более простых геометрических фигур вращения – чаще всего нескольких усеченных конусов, для которых и определялся объем. Анализ объема показал отсутствие четкой стандартизации в размерности. Это хорошо иллюстрируют размытые границы между выделенными группами при учете только размерных показателей. В связи с этим проведен визуальный анализ поверхностей с помощью бинокулярного микроскопа для выявления следов использования. В результате было выделено три группы сосудов, отличавшихся по объему и характеру следов использования на их поверхности. Основным критерием для выделения групп с различным функционалом в бронзовом веке скорее всего будет являться их объем. Посуда изначально использовалась в бытовой сфере, а затем была помещена в погребения в качестве сопроводительного инвентаря. Это заключение не касается федоровских сосудов, которые вероятно являлись ритуальными. Также опробованы возможности метода, позволяющего вычислять объем для сильно фрагментированных сосудов, что открывает возможности для анализа поселенческой керамики.

Ключевые слова: бронзовый век, алакульская культура, петровская культура, федоровская культура, диагностирование функции сосудов.

Введение

Керамика является одним из наиболее массовых и информативных источников в археологии бронзового века. Керамические сосуды нередко выступают в качестве одного из главных маркеров при выделении археологических культур. Однако керамическая посуда кроме решения «традиционных» культурно-генетических вопросов может быть задействована при изучении гораздо более широкого круга проблем. В рамках данной статьи проведено исследование керамического комплекса могильника Троицк-7 с целью выделения групп сосудов, потенциально имеющих различный функционал.

Обзор литературы

На данный момент в археологии имеется большое число методов, применяемых для изучения древней керамики: например, анализ формовочных масс, из которых состояла посуда, или анализ липидов в стенках сосудов с помощью газовой хроматографии с целью изучения диеты древнего населения [1]. Исследователи делят методы для работы с керамикой на четыре основных группы: 1) методы выделения технологической информации; 2) методы изучения форм; 3) методы анализа орнамента; 4) методы реконструкции культурных традиций в гончарстве [2].

Для изучения керамики бронзового века на территории Южного Зауралья активно реализуется только часть методов, что потенциально сужает познавательные возможности источника. На данный момент оформилось несколько основных подходов.

Типологический метод позволяет отнести керамику к определенной культуре и выстроить ти-

пы сосудов в хронологической последовательности на основании главным образом морфологии и орнамента [3–4]. Сюда же следует отнести и формализованно-статистические методы, служащие, по сути, той же цели культурно-хронологических реконструкций [5].

Технико-технологический анализ керамики позволяет установить особенности производства сосудов с целью изучения культурных традиций, отраженных в навыках древних гончаров [6–7]. Применительно к материалам бронзового века Южного Зауралья данный подход применялся достаточно широко [8–11].

Существует также не до конца оформившийся подход, касающийся вопросов бытового использования керамических сосудов. Он связан с анализом объемов и различных следов использования на поверхностях сосудов, таких как пригары, затертости и царапины от перемещения посуды. Косвенно сюда же можно отнести исследования, связанные только с определением объемов либо для общего описания керамической коллекции [12–13], либо с целью выделения крупноразмерных сосудов для погребального пира [14]. Данный подход сфокусирован на вопросах использования емкостей и стремится к определению их специфических функций. Исследований в этом русле для Южного Зауралья пока немного. Рассматривались в основном керамические сосуды из синташтинских комплексов могильника Каменный Амбар-5 [15]. Стоит отдельно сказать о перспективности привлечения методов естественных наук для решения этих проблем. Для Южного Зауралья на данный момент уже

имеются отдельные опыты использования метода рентгенофлуоресцентной и масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой [16].

Перспективной темой в изучении системы питания коллективов эпохи бронзы можно считать дальнейшие штудии, связанные с изучением использования керамики в древности. Осложняет определение функционального назначения сосудов их относительно высокая гомогенность. С точки зрения некоторых исследователей, это связано с тем, что в некоторых древних обществах еще не было выработано устойчивой связи между «формой» и «функцией» [7, с. 167]. Кроме того, на большинстве сосудов местного бронзового века нет функциональных элементов вроде носиков, ручек или отверстий, которые могли бы указать на их предназначение. Исходя из этого одним из основных факторов для определения функционального назначения емкостей следует считать их объем. Этнографические данные подтверждают зависимость функционала сосуда от его объема [17, с. 20–21]. Кроме объема, важны различные следы использования, встречающиеся на поверхности керамики.

Методы исследования

Для анализа объемов сосудов бронзового века прежде всего необходимы целые формы, которые можно массово встретить только в материалах погребальных памятников. В качестве источника была отобрана керамическая коллекция могильника Троицк-7, имеющая большое число археологически целых сосудов.

Могильник Троицк-7 располагается на левом берегу р. Уй в пределах городской черты Троицка. Памятник локализуется в 0,25 км от русла р. Уй – в западной половине основания крупного мыса, образованного глубокой излучиной реки. Площадка могильника была связана с древней протокой, проходившей примерно через середину мыса. К началу археологических изысканий рельеф площадки могильника испытал значительное позднее антропогенное воздействие. Был снят гумус и произведена планировка поверхности под коттеджное строительство; вдоль улиц проложены коммуникационные траншеи. В результате активного хозяйственного освоения площадки памятника количество курганов и их локализация остаются параметрами не вполне проясненными. Возможности дешифрирования материалов аэрофотосъемки оказались не реализованными вследствие нестойкости грунтов, из которых были сложены курганы, и того, что аэрофотоснимки 1973 и 1980 гг. зафиксировали уже в значительной степени деформированный хозяйственной деятельностью рельеф [18–19].

В ходе полевых исследований памятника было раскопано 11 курганов (№ 1; № 3–9; № 13–15), материалы которых принадлежали к петровской, алакульской и федоровской культуре. В выборку были включены археологически целые сосуды и фрагменты шеек из погребений, а также жертвенников – все-

го удалось выделить 89 сосудов. Целые формы были представлены 46 археологически целыми сосудами. Среди них 40 сосудов горшечной формы и шесть сосудов были идентифицированы как банки.

Для подсчета объемов целых сосудов была применена следующая методика – сосуд рассматривается как совокупность геометрических фигур, чаще всего усеченных конусов (рис. 1). Объем подсчитывается для каждого из составных элементов в отдельности, а затем они суммируются. Такая методика допустима при подсчете объема археологически целых сосудов, у которых известен ряд характеристик, из которых самые важные – это высота, диаметр дна и устья шейки (горловины). Для сосудов усеченно-конической формы для определения объема этих данных достаточно, однако для более сложных форм, таких как биконические сосуды, требуются дополнительные измерения. Как правило, учитывается диаметр в местах наибольшего расширения (несмотря на то что в таком случае в объем будет входить и толщина стенок, очевидно, не заполнявшаяся при наполнении сосуда), то есть всегда берутся крайние точки. Нередко бывает, что сосуд сделан небрежно и имеет, например, подвальную горловину, в этом случае используется среднее арифметическое значение между самым большим и самым меньшим диаметром.

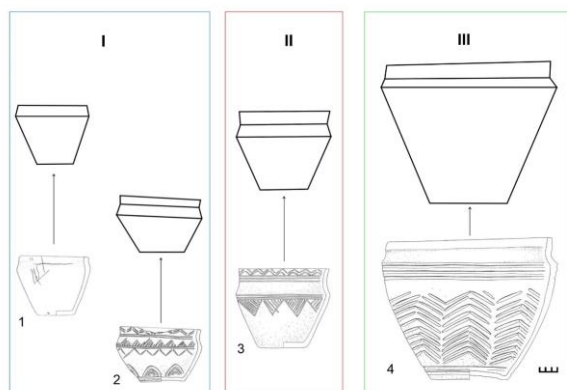

Рис. 1. Керамические сосуды могильника Троицк-7, разделенные по трем группам в соответствии с объемом, и их упрощенная графическая модель: 1 – курган 7, яма 12; 2 – курган 5, яма 2; 3 – курган 4, яма 8; 4 – курган 5, яма 5

Fig. 1. Ceramic vessels from Troitsk-7 divided into three groups according to volume and their graphical model: 1 – mound 7, pit 12; 2 – mound 5, pit 2; 3 – mound 4, pit 8; 4 – mound 5, pit 5

Кроме археологически целых форм в статистику решено было включить неполные сосуды, выделяемые по сохранившимся шейкам. Диаметр горловин неполных сосудов был достроен графически по фрагментам венчиков. Была проведена корреляция между диаметром горловины и объемом сосуда. Высчитанный с помощью функции в Microsoft Excel коэффициент корреляции для полных форм составил 0,93. Ориентируясь на данные, полученные по целым формам, был построен график, отражающий зависи-

мость между диаметром горловины сосуда и его объемом (рис. 2). На основании этих данных можно определить примерный объем неполных сосудов. Конечно, объем, вычисленный подобным образом, будет крайне неточным, и его использование уместно только для дополнения выводов, полученных по данным анализа целых форм.

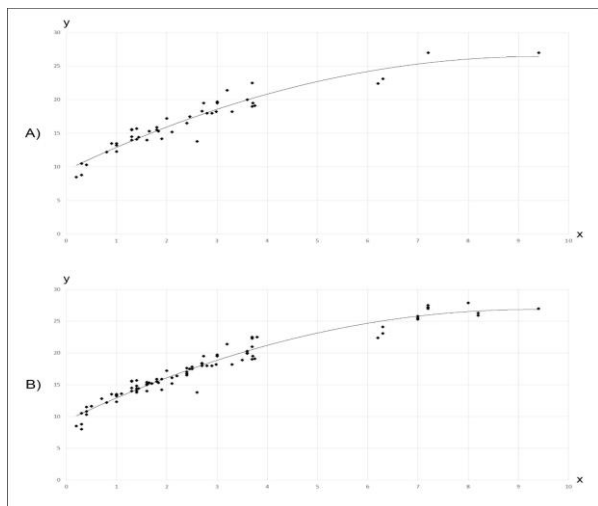

Рис. 2. График, отражающий зависимость объема сосуда от диаметра горловины: ось X – объем (л), ось Y – диаметр горловины (см). Точками обозначены сосуды – на графике А только полные формы; на В были наложены реконструированные сосуды

Fig. 2. Graph reflecting the dependence of the volume of the vessel on the diameter of the mouth: the X axis is the volume (l), the Y axis is the mouth diameter (cm). The dots indicate the vessels – on graph A, only full forms; reconstructed vessels were placed on B

Кроме объема в расчет приняты наличие / отсутствие пригаров и заметные с помощью микроскопа следы использования на поверхностях древней посуды. Использована модель – микромед MC-2-ZOOM var. 2 TD-1 с окулярами WF10X. Стоит упомянуть, что на данный момент пока не существует разработанной системы критериев для выделения тех или иных следов в качестве свидетельств использования сосудов эпохи бронзы по их прямому назначению в отличие от других эпох [20]. Главным образом рассматривалась степень изношенности поверхности дна, поскольку, на наш взгляд, именно на дне должны присутствовать визуально заметные следы, свидетельствующие о различных перемещениях посуды. Осмотр поверхностей сосудов позволил разделить следы пока главным образом на две категории.

1. Так называемая «затертость», представляющая уплощенные участки на дне, часто располагающиеся неравномерно и тяготеющие к периферии. По своей интенсивности тоже могут быть различны – от слабой (небольшие уплощенные участки с измененной цветовой гаммой вперемешку с «базовой поверхностью», не подвергнувшейся сильному износу) до интенсивной (сплошной уплощенный участок с цветовой гаммой, совпада-

ющей с керамикой в изломе). К сожалению, «затертость» является «накапливаемой» характеристикой и не только отражает интенсивность использования посуды в древности, но и перекрывается перемещениями уже в процессе камеральной обработки и последующего хранения в фондах. То есть интенсивные перемещения керамики при фондовом хранении могут исказить информацию.

2. Линейные следы в виде различных царапин. Лучше всего выделяются свежие царапины, как глубокие одиночные, так и целые серии неглубоких длинных однонаправленных следов. Несмотря на видимые отличия они маркируют перемещения артефактов во время камеральной обработки и во время хранения в фондах. Выделяются также следы, полученные, вероятно, на этапе изготовления и использования сосудов в древности. Следует сказать, что без дальнейших исследований, подтвержденных экспериментальными данными, достоверно разграничить эти виды царапин пока несколько проблематично.

Кроме следов использования на нижних поверхностях сосудов, в дальнейшем стоит обратить пристальное внимание на венчики, вполне вероятно имеющие следы затертостей от крышек, и на части сосудов, которые могли бы иметь следы от использования дополнительных приспособлений, связанных с извлечением сосудов из очагов и печей. Необходимо упомянуть, что некоторые сосуды могли храниться перевернутыми, что также стоит учитывать при анализе следов.

Следы ремонта на сосудах также иногда выделяются специалистами по другим периодам в качестве одного из критериев использования керамики [20]. Однако для сосудов эпохи бронзы есть сведения, позволяющие предполагать, что ремонт происходил до начала эксплуатации [21, с. 175].

Результаты и дискуссия

На основании анализа объемов и различных следов использования были выделены три группы сосудов (рис. 3):

1) 9 сосудов небольшого объема (от 0,2 до 1 л.), 20 % археологически целых форм. В эту группу вошли 6 баночных и 3 горшечных формы. Граница между первой и второй группами сосудов весьма условна, и решающим фактором для их разделения стало отсутствие сосудов менее одного литра, имеющих на поверхности нагар. Таким образом, все 9 сосудов не имеют нагара на внутренней или внешней поверхности. 7 из 9 сосудов (78 %) имеют следы использования в виде затертости и царапинок на дне, а баночные формы заметных следов использования не имели;

2) 33 сосуда горшечной формы среднего объема (от 1,3 до 3,7 л.), 72 % археологически целых форм. Это наиболее многочисленная категория сосудов. Нагар наблюдается на 16 из 33 сосудов (49 %) и зачастую сочетается со следами использования в виде затертости и царапин на дне

(15 сосудов). Вообще следы использования наблюдаются на 21 из 33 сосудов (64 %) как в виде интенсивной затертости с хорошо просматривающимися царапинами, так и в виде незначительной затертости с плохо заметными царапинами. 11 из 33 сосудов (33 %) не имели нагара и визуально фиксируемых следов использования;

3) 4 крупных сосуда горшечной формы объемом от 6,2 до 9,4 л., 8 % археологически целых форм. На трех из четырех сосудов (75 %) наблюдается нагар, сочетающийся с затертостью дна сосудов. Затертость могла быть различной – от слабо просматривающейся до хорошо заметной, сочетающейся с линейными следами в виде царапинок. Один из сосудов не имел ни нагара, ни следов затертости на дне.

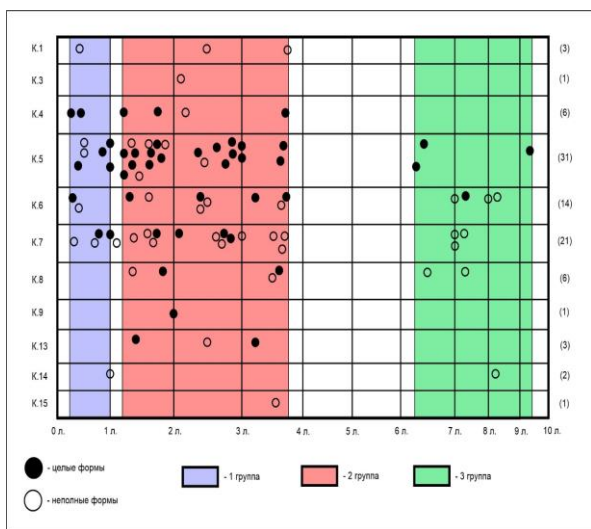

Рис. 3. Таблица распределения сосудов по группам в соответствии с объемом и следами использования. Слева указаны курганы, справа в скобках количество сосудов в каждом из курганов. В курганах № 9, 13 и 15 содержались федоровские сосуды. В остальных курганах находились петровские и алакульские сосуды

Fig. 3. Table of the distribution of vessels into groups in accordance with the volume and traces of use. On the left are numbered the mounds, on the right in brackets the number of vessels in each of the mounds. In the mounds № 9, 13 and 15 were Fedorovka vessels. The rest of the mounds contained Petrovka and Alakul vessels

Дополнить данные по целым сосудам можно результатами анализа неполных форм. Таких было выделено по материалам могильника 43 единицы. При аналогичной группировке данных и делении по объемам на 3 группы: к первой группе относятся 8 сосудов (19 %), ко второй группе относятся 26 сосудов (60 %), и к третьей группе было отнесено 9 сосудов (21 %).

В процентном соотношении выделенные группы почти совпадают как для археологически целых форм, так и для неполных. Небольшая диспропорция наблюдается только по третьей группе, что может быть вызвано худшей сохранностью относительно крупных сосудов. Общая тенденция

показывает количественное преобладание второй группы над первой и третьей. Стоит отметить, что и в синташтинское время в численном отношении также доминирует группа размерами 1–4 л. [15].

Сосуды первой группы (до 1 л.) чаще всего располагались в детских погребениях. Один сосуд находился в жертвеннике. Пара сосудов обнаружена в довольно крупной могильной яме. Таким образом, однозначно связывать сосуды небольших объемов только с детскими погребениями пока рано. Материалы алакульского могильника Кулевчи VI также демонстрируют наличие небольших форм как в детских, так и во взрослых погребениях [14, с. 56]. Для получения достоверных выводов касательно данной группы необходимо расширить выборку, приобщив комплексы с лучше сохранившимся антропологическим материалом.

Сосуды второй группы (1,3–3,7 л.) ввиду своей многочисленности могли выполнять самые различные функции: от приготовления до разогрева и употребления пищи. Встречаются как в детских, так и во взрослых погребениях. Среди этой группы сосудов следует отдельно упомянуть федоровские, сравнительно небольших объемов (1,4–3,3 л.) и не имеющие нагара и других заметных следов использования. Эта специфика посуды из федоровских комплексов может являться одним из аргументов в пользу ритуального характера федоровской погребальной посуды.

Сосуды, отнесенные к третьей группе, имеют наибольший объем (6,2–9,4 л.) и скорее всего могли использоваться для приготовления пищи, на что указывают часто встречающиеся нагары. В качестве вспомогательной функции также могли использоваться для хранения пищи, сырьевых продуктов или воды. Крупные сосуды чаще всего встречаются во взрослых захоронениях некрополя. В материалах могильника Кулевчи VI крупные горшечные формы также связаны с захоронениями взрослых индивидов [14, с. 55–56].

Необходимо отметить, что мы имеем дело с погребальной посудой и на данный момент нам пока полностью не известны принципы, в соответствии с которыми формировалась погребальная выборка. Поэтому слепо проецировать полученные результаты на поселенческие комплексы пока рано. Однако можно утверждать, что на половине сосудов (24 из 46 – 52 %) из могильника Троицк-7 отмечаются следы бытового использования керамики, что позволяет предположить ее изъятие напрямую из бытовой сферы. Сравнивая нашу выборку с сосудами синташтинского периода из могильника Каменный Амбар-5, следует отметить, что доля посуды со следами использования примерно та же (44 %) [15]. Скорее всего сосуды, не имеющие заметных следов использования, также являлись бытовой посудой, помещенной в погребальные комплексы, поскольку типологически не отличаются от упомянутых выше форм. Отсутствие следов может быть объяснено го-

раздо менее интенсивной эксплуатацией и более ранним изъятием из бытовой сферы.

При анализе объема сосудов становится очевидным отсутствие какой-либо четкой стандартизации в размерности. Основная причина заключается в том, что вся керамика, попавшая в выборку, является лепной. Следствием технологии производства являются размытые границы между выделенными группами при учете только показателей объема.

Следует сказать, что попытки выделения типов сосудов с разным функциональным назначением только на основании керамического материала не могут отражать всей полноты используемой в бронзовом веке посуды. В материалах могильника Троицк-7 встречены остатки одного деревянного блюда, которое располагалось в погребении № 1 кургана № 7. Блюдо было зафиксировано как участок древесного тлена округлой формы размером 30–35 см. Реальная типология используемой в древности посуды невозможна без учета емкостей, изготавливаемых из дерева и кожи.

Выводы

Таким образом, на основании анализа погребальной посуды было выделено три группы сосудов, различающихся по объему и характеру следов использования. Судя по всему, бытовые сосуды изначально использовались в бытовой сфере, а затем были использованы в качестве сопроводительного инвентаря при погребении. Исключением может быть федоровская посуда, которая вероятно целенаправленно создавалась в качестве ритуальной керамики. Об этом свидетельствует отсутствие следов эксплуатации посуды, а также ограниченность вариации объема (в выборке федоровские сосуды относились только ко второй группе).

В петровско-алакульский период не оформилось однозначной связи между формой и функциональным назначением сосуда. Скорее можно наблюдать начало процесса размежевания керамических сосудов на различные по своему функционалу группы. Однако отличаются сосуды друг от друга главным образом только своим объемом. Различия между баночными и горшечными сосудами на данном этапе не представляются значительными. Вполне вероятно, дальнейшие исследования помогут точнее определить назначение баночных сосудов и обособить их от горшечных форм.

Одной из приоритетных задач должна стать разработка системы анализа следов использования на поверхности керамики. Дальнейшая работа в этом направлении невозможна без приобщения результатов исследования фрагментов керамики из поселенческих коллекций и экспериментальных данных.

В рамках статьи были опробованы возможности реконструкции объема неполных сосудов посредством сопоставления с данными по археологически целым формам. Увеличение выборки гипотетически должно обеспечить большую точность описанному методу. Дальнейшие исследо-

вания целых форм погребальной посуды позволят анализировать сильно фрагментированные сосуды из поселенческих коллекций, явно служившие для утилитарных функций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021.

Литература

1. Malainey, M. E. A Consumer's guide to archaeological science : analytical techniques / M. E. Malainey, C. E. Orser, M. B. Schiffer. – Springer, 2010. – 603 p.
2. Молодин, В. И. Теория и практика исследования древней керамики: традиционные и новейшие методы / В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова // Самарский научный вестник. – 2015. – № 3 (12). – С. 122–127.
3. Сальников, К. В. Очерки древней истории Южного Урала / К. В. Сальников. – М. : Наука, 1967. – 408 с.
4. Кулевчи VI – могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов и др. – Челябинск : ЮУрГГПУ, 2020. – 556 с.
5. Генинг, В. Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии / В. Ф. Генинг. – Киев : Наукова Думка, 1992. – 188 с.
6. Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – М. : Наука, 1978. – 272 с.
7. Цетлин, Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода / Ю. Б. Цетлин. – М. : ИА РАН, 2012. – 430 с.
8. Гутков, А. И. Технично-технологический анализ керамики поселения Устье I / А. И. Гутков // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск : Абрис, 2013. – С. 179–184.
9. Илюшина, В. В. Керамический комплекс могильника бронзового века Кулевчи VI: типология и технико-технологический анализ / В. В. Илюшина, И. П. Алаева, Н. Б. Виноградов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 3 (50). – С. 35–47.
10. Григорьев, С. А. Петровская и алакульская керамика поселения Мочище в Южном Зауралье / С. А. Григорьев, Н. П. Салугина // Российская археология. – 2020. – № 2. – С. 45–59.
11. Дубовцева, Е. Н. Технологическое исследование керамики синташтинского типа из поселения Каменный Амбар / Е. Н. Дубовцева, Д. В. Киселева, С. Е. Пантелева // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 4 (53). – С. 99–110.
12. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / Г. Б. Зданович, А. К. Кириллов, А. И. Гутков [и др.]. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 2002. – 214 с.
13. Стефанов, В. И. Урефты I: зауральский

могильник в андроновском контексте / В. И. Стефанов, О. Н. Корочкова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 160 с.

14. Алаева, И. П. Сосуды для погребального пира в захоронениях бронзового века Южного Зауралья / И. П. Алаева // Вещь в контексте погребального обряда : материалы международной научной конференции. – М. : РГГУ, 2020. – С. 54–61.

15. Епимахов, А. В. О функциональности и нефункциональности погребальной посуды / А. В. Епимахов, М. Г. Епимахова // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода : сборник научных трудов ; ред. Д. Г. Зданович. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 2003. – 148 с.

16. Погребальная посуда и пищевые стратегии в древности / Е. А. Булакова и др. // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 4 (73). – С. 60–70.

17. Бобринский, А. А. Некоторые данные о технике и технологии куро-аракских гончаров (по материалам поселения Ново-Гапшах в Дагестане) / А. А. Бобринский, Ю. Б. Цетлин, И. А. Гей // Российская археология. – 2011. – № 4. – С. 15–28.

18. Костюков, В. П. Предварительные результаты исследования могильника эпохи бронзы Троицк-7 / В. П. Костюков, А. В. Епимахов // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. – Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург : УрГУ, 1999. – С. 66–70.

19. Krause, R. The Petrovka Bronze Age sites: issues in taxonomy and chronology / R. Krause, A. V. Epimakhov, E. V. Kupriyanova, I. K. Novikov, E. Stolarczyk // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. – 2019. – № 1 (47). – P. 54–63.

20. Краева, Л. А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана / Л. А. Краева // Самарский научный вестник. – 2015. – № 3 (12). – С. 90–100.

21. Гутков, А. И. О традиции ремонта глиняной посуды / А. И. Гутков // Археологический источник и моделирование древних технологий : труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск : Аркаим ; Ин-т истории и археологии УО РАН, 2000. – С. 170–186.

22. Костюков, В. П. Отчет о спасательных раскопках могильника Троицк-7 в Челябинской области в 1995 году / В. П. Костюков. – Челябинск, 1996. – 60 с.

Васючков Егор Олегович – лаборант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: platonmnedrugnavernoe@gmail.com. ORCID 0000-0002-2378-3525

Поступила в редакцию 23 ноября 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230102

THE VOLUME OF CERAMIC VESSELS – CRITERION FOR THEIR PURPOSE (BASED ON THE MATERIALS OF THE BURIAL GROUND TROITSK-7)

E. O. Vasyuchkov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article analyzes the ceramic complex of the Troitsk-7 burial ground to identify groups of vessels with different functional purposes. Their volume is taken as the main criterion for dividing vessels into groups. To calculate the volume, the vessel was divided into a number of simpler geometric shapes – truncated cones. For them, the volume was determined. When analyzing the volume, it becomes apparent that there is no clear standardization in size. The consequence is the fuzziness of the groups. A visual analysis of the surfaces was carried out using a binocular microscope to identify traces of use on the vessels. As a result, three groups of vessels were distinguished, different in volume and character of traces. It can be said about the lack of connection between the form and function of vessels in the Petrovka and Alakul cultures. The main criterion for identifying groups with different functionality in the Bronze Age will be their volume. Vessels of Troitsk-7 were used in everyday life, and then were placed in burials. In addition to Fedorovka culture vessels, which were ritual. The possibilities of the method were tested, which allows calculating the volume for fragmented vessels, which allows analyzing vessels from settlements.

Keywords: Bronze Age, Alakul culture, Petrovka culture, Fedorovka culture, vessels function diagnostics.

References

1. Malainey M. E., Orser C. E., Schiffer M. B. A Consumer's guide to archaeological science: analytical techniques. Springer, 2010. 603 p.
2. Molodin V.I., Myl'nikova L.N. Teoriya i praktika issledovaniya Drevnej keramiki: tradicionnye i novejshie metody [Theory and Practice of the Study of Ancient Ceramics: Traditional and Latest Methods] // *Samarskij nauchnyj vestnik*. 2015. № 3 (12). S. 122–127.
3. Sal'nikov K.V. Ocherki drevnej istorii Yuzhnogo Urala [Essays on the Ancient History of the Southern Urals]. M.: Nauka, 1967. 408 s.
4. Kulevchi VI – mogil'nik pozdnego bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [Kulevchi VI – Late Bronze Age Burial Ground in the South Trans-Urals] / N.B. Vinogradov i dr. Chelyabinsk: YUrGGPU, 2020. 556 s.
5. Gening V.F. Drevnyaya keramika: metody i programmy issledovaniya v arheologii [Ancient Pottery: Methods and Research Programs in Archeology]. Kiev: Naukova Dumka, 1992. 188 s.
6. Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy: istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe: Sources and Methods of Study]. M.: Nauka, 1978. 272 s.
7. Cetlin Y. B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda [Ancient Pottery. Theory and Methods of the Historical and Cultural Approach]. M.: IA RAN, 2012. 430 s.
8. Gutkov A.I. Tehniko-tehnologicheskij analiz keramiki poseleniya Ust'e I [Technical and Technological Analysis of Pottery from the Settlement Ustye I] // *Drevnee Ust'e: Ukrepennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e*. Chelyabinsk: Abris, 2013. S. 179–184.
9. Ilyushina V.V., Alaeva I.P., Vinogradov N.B. Keramicheskij kompleks mogil'nika bronzovogo veka Kulevchi VI: tipologiya i tehniko-tehnologicheskij analiz [Ceramic Complex of the Bronze Age Burial Ground Kulevchi VI: Typology and Technical and Technological Analysis] // *Vestnik arheologii, antropologii i e'tnografii*. 2020. № 3 (50). S. 35–47.
10. Grigor'ev S.A., Salugina N.P. Petrovskaya i alakul'skaya keramika poseleniya Mochishhe v Yuzhnom Zaural'e [Petrovka and Alakul Ceramics of the Mochishche Settlement in the South Trans-Urals] // *Rossiyskaya arheologiya*. 2020. № 2. S. 45–59.
11. Dubovceva E.N., Kiseleva D.V., Panteleeva S.E. Tehnologicheskoe issledovanie keramiki sintashtinskogo tipa iz poseleniya Kamennyj Ambar [Technological Study of Ceramics of the Sintashta Type from the Settlement Kamennyj Ambar] // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2016. № 4 (53). S. 99–110.
12. Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaragansky Burial Ground) [Arkaim: Necropolis (Based on the Materials of Mound 25 of the Bolshekaragansky Burial Ground)] / G.B. Zdanovich i dr. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002. 214 s.
13. Stefanov V.I., Korochkova O.N. Urefty I: zaural'skij mogil'nik v andronovskom kontekste [Urefty I: Trans-Ural Burial Ground in the Andronovo Context]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2006. 160 s.
14. Alaeva I.P. Sosudy dlya pogrebal'nogo pira v zahoroneniyaх bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya [Vessels for a Funeral Feast in the Burials of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals] // *Veshh' v kontekste pogrebal'nogo obryada: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. M.: RGGU, 2020. S. 54–61.
15. Epimahov A.V., Epimahova M.G. O funkcional'nosti i nefunkcional'nosti pogrebal'noj posudy [On the Functionality and Non-Functionality of Burial Utensils] // *Drevnyaya keramika: problemy i perspektivy kompleksnogo podhoda: sbornik nauchnyh trudov*; red. D.G. Zdanovich. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 148 s.
16. Pogrebal'naya posuda i pishhevye strategii v drevnosti [Funerary Ware and Dietary Strategies in Antiquity] / E. A. Bulakova i dr. // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2021. № 4 (73). S. 60–70.
17. Bobrinskij A.A., Cetlin Y.B., Gej I.A. Nekotorye dannye o tehnike i tehnologii kuro-arakskih Goncharov (po materialam poseleniya Novo-Gapcah v Dagestane) [Some Data on the Technique and Technology of the Kuro-Arak Potters (Based on the Materials of the Novo-Gaptsakh Settlement in Dagestan)] // *Rossiyskaya arheologiya*. 2011. № 4. S. 15–28.
18. Kostyukov V.P., Epimahov A.V. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya mogil'nika e'pohi bronzy Troick-7 [Preliminary Results of the Study of the Burial Ground of the Bronze Age Troitsk-7] // *120 let arheologii vostochnogo sklona Urala. Pervye chteniya pamyati Vladimira Fedorovicha Geninga. Ch. 2. Novejshie otkrytiya ural'skih arheologov*. Ekaterinburg: UrGU, 1999. S. 66–70.
19. Krause R., Epimahov A.V., Kupriyanova E.V., Novikov I.K., Stolarczyk E. The Petrovka Bronze Age Sites: Issues in Taxonomy and Chronology // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2019. № 1 (47). P. 54–63.
20. Kraeva L.A. Bytovoie i sakral'noe ispol'zovanie keramiki u sarmatov Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazahstana [Household and Sacred Use of Ceramics among the Sarmatians of the Southern Urals and Western Kazakhstan] // *Samarskij nauchnyj vestnik*. 2015. № 3 (12). S. 90–100.
21. Gutkov A.I. O tradicii remonta glinyanoy posudy [On the Tradition of Repairing Pottery] // *Arheologicheskij istochnik i modelirovanie drevnih tehnologij: trudy muzeya-zapovednika Arkaim*. Chelyabinsk: Arkaim: In-t istorii i arheologii UO RAN, 2000. S. 170–186.

22. Kostyukov V.P. Otchet o spasatel'nyh raskopkah mogil'nika Troick-7 v Chelyabinskoj oblasti v 1995 godu [Report on Rescue Excavations at the Troitsk-7 Burial Ground in the Chelyabinsk Region in 1995]. Chelyabinsk, 1996. 60 s.

Egor O. Vasyuchkov – Laboratory Assistant of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: platonmnedrugnavernoe@gmail.com

Received November 23, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Васючков, Е. О. Объем как критерий функционального назначения сосудов бронзового века (по материалам могильника Троицк-7) / Е. О. Васючков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 14–21. DOI: 10.14529/ssh230102

FOR CITATION

Vasyuchkov E. O. The Volume of Ceramic Vessels – Criterion for their Purpose (Based on the Materials of the Burial Ground Troitsk-7). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 14–21. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230102
